

Константин Томилов

**Последний день
ПРЕЛОМ
ЛЕНИЕ**

**ИСТОРИКО-ФАНАТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ**

16+

Константин Томилов

Последний день. Преломление

«Автор»

2018

Томилов К.

Последний день. Преломление / К. Томилов — «Автор», 2018

Историко-фантастическая версия библейского сюжета. Суд над Иисусом Христом в резиденции прокуратора Иудеи Понтия Пилата, Крёстный Путь и Распятие Спасителя. Авторский замысел представляет собой мучительную попытку осознать — как все эти события происходили в реальной действительности. Содержит нецензурную брань.

© Томилов К., 2018

© Автор, 2018

Константин Томилов

Последний день. Преломление

(Апология)

Посвящается моей первой учительнице Анастасии Петровне, женищине, которая научила меня читать и писать. Её любимой фразой было: «Смотришь в книгу, а видишь фигу!!!» И хрясь деревянной указкой по башке..., толстенной такой. А потом ещё за волосы и носом в букварь раз!, два!

ЗАМЕС

Толкование:

Апология – развлекательная речь адвоката, представляющего интересы заведомо выигравшей дело, правой по закону стороны. Произносится на потеху публике, чтобы создать видимость хоть какого-то судебного состязания, и хоть как-то оправдать заранее оплаченный, невозвратный, непомерно громадный гонорар. Так как, никак не влияет на исход дела, представляет собой смесь ахинеи и дикого бреда.

Этиграф.

"Вначале было Слово. И Слово было Бог. И Слово было у Бога".

Толкование:

«А ты, сына, чего в углу и ревёшь?»

«А я, пап, сегодня в школе новое слово из трёх букв узнал, хотел маме сказать, она слушать не стала, сразу по попе надавала и в угол поставила. А потом бабушка пришла...»

«Ну, ну и чего бабушка?»

«А бабушка ещё и по губам, а потом ещё и по попе!»

«А какое слово ты узнал, сына?»

«Мир, пап, слово мир».

«Ага..., ну ты, сына, сходи пока погуляй подольше. Можно. Можно. Конечно можно. Ты ж знаешь, что папа в доме главный. А я пока с мамой и с бабушкой поговорю...»

Предупреждение!!!

Все описываемые мною события являются вымышленными, высосанными от безделья из пальца. То, что происходило в реальности запечатлено в Евангелиях Нового Завета.

Предисловие.

Инструкция христианина о правильной подаче прошений Царю Небесному.

Поскольку Христос заповедовал нам, дал чёткое и ясное указание, что напрямую к Престолу Отца мы имеем право обращаться только с молитвой "Отче Наш", а все остальные просьбы и нужды только через Него: "Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня" (Иоанна;14:6), то именно этому и следует повиноваться. Следовательно: когда накопилось, достало, проблемы, неустройства и сколько уже можно?!, доколе?!, смело идите к Нему на приём. Соберите всё, что желаете высказать, лучше на

бумаге написать, чтоб была так сказать полноценная челобитная, закрываемся в одиночку в комнате и вперёд. Мысленным взором представляем дверь. На двери табличка: "Иисус Христос, Сын Божий, Царь Царей, Первосвященник". Нам сюда. Решительно открываем дверь. Идти недалеко, всего два-три шага по камням Голгофы и мы перед Крестом. Ну, а теперь стоя у истекающего кровью Спасителя, глядя прямо Ему в глаза, излагайте все свои проблемы, недовольства, претензии. Не знаю, получится ли у кого-либо. Лично я, задыхаясь от стыда, не смея поднять глаз, смог только прохрипеть: «Господи, прости».

ПРОБА

Глоток 1.

«Господин».

«Чего тебе?» – раздражённо процедил Пилат.

«Иудеи заплатили экзекуторам, чтобы они забили плетьюми того назарейнина насмерть».

«Зачем?!»

«Боятся, что ты освободишь его как говорил им».

С лицом, перекошенным от дикой головной боли и раздражения от всего происходящего в этот день, Пилат поковылял во внутренний двор.

Палачей уже предупредили. Они поспешили надеть на Христа хитон, чтобы попытаться как-то скрыть нанесённые ими увечья. Терновый венец правда никто снять даже не пытался, не желая "мараться" об какого-то иудея. Спаситель стоял полусогнувшись, в полубессознательном состоянии, его била крупная дрожь. Многоопытному Пилату было достаточно беглого взгляда, чтобы понять, что произошло. Презрительно сощурившись на экзекуторов, обмирающих от страха осознания своей вины перед прокуратором, коротко рубанул: «Под арест обоих».

Резко кивнул головой, дав тем самым знак солдатам, чтобы они следовали за ним, волоча осужденного под руки.

Иудеи, притащившие назарейнина, расположились группками, находящимися в постоянном движении, гоношась как на базаре. При виде прокуратора всё стихло. Пилат, молча, сам, развернул назарейнина спиной к иудеям, отточенным движением вытянул короткий римский меч, перерезал верёвку стягивающую хитон по поясу, вбросил меч в ножны. Пристально обведя взглядом замершую толпу, повернулся к Спасителю и сам закинул хитон ему на голову, обнажая узувеченное бичеванием тело. Загнанные в дальний угол двора сторонники назарейнина ахнули, взвыла мать, почувствовав его боль как свою, большая часть толпы потупилась раздражаемая противоречивыми чувствами, и лишь стоявшая ближе всех элита синедриона смотрела с явным довольством.

Устремив на толпу взгляд знакомый ветеранам, прошедшим с Пилатом не одну военную компанию, так прокуратор смотрел на противника перед боем, набрав полную грудь воздуха он рявкнул голосом от которого пробивала дрожь даже повидавших многое легионеров: «Вы что, совсем охренели?!»

Толпа присела как от удара хлыстом, даже мать назарейнина стихла захлебнувшись плачем. Только верховный жрец со своим тестем не дрогнули. Гордый старикашка даже ещё выше вздёрнул свою бородёнку.

Каифа сделал несколько шагов вперёд, подойдя к самым ступеням на которых стоял прокуратор: «Господин, ты напрасно стараешься спасти ему жизнь, это совсем не в твоих интересах. Поверь мне, этот человек совсем не безобиден, как ты о нём думаешь. Я священник моего народа из рода в род, многие столетия, и знаю историю своего народа наизусть. И знаю, что много раз в истории моего народа, такие вот как бы безобидные пророки, приносили наибольшие бедствия не только моему народу, но и тем, кому мой народ был подвластен в те времена. Подумай, господин, зачем тебе сохранять жизнь этому человеку? Тем более, после такого

бичевания он уже всё равно не жалеет. Кто тебе больший друг: этот самозванец, называющий себя иудейским царём или римский кесарь?»

Пилат поморщившись, процедил сквозь зубы: «Ну и?»

«Надо уничтожить эту заразу в корне, пока она ещё не так разошлась в моем народе» – Каифа смотрел спокойно и безбоязненно.

Пилат взглядом отдал приказ солдатам и они утащили осуждённого. Повернувшись к рабу, стоявшему наготове с медным тазом и смывая с рук кровь Спасителя, которая осталась на руках когда прокуратор задирает хитон, спросил у Каифы: «Полностью уверен в том что говоришь?»

«Абсолютно и несомненно».

Прокуратор вытер руки поданным рабом полотенцем. Всё ещё держа полотенце в левой руке, указательным пальцем правой почти ткнув в горбатый нос Каифы, спросил: «Берёшь на себя ответственность за все последствия этого дела, так?»

Не моргнув глазом, первосвященник прорёк: «Как первый в народе своём, обязанный перед Богом хранить и сохранять в чистоте мой народ, всю ответственность принимаю на себя, род свой, колена своё и народ свой».

Пилат кивнул удовлетворённо: «Ты сказал». Обернулся вправо и посмотрел на писца склонившегося над низким столиком. Тот кивнул, подтверждая, задокументировано.

Пилат пригнулся и глядя прямо в угольные глаза первосвященника спросил: «А теперь без протокола. Скажи мне, чего вы сыты из-за этого назарянина? Я узнал про него, что это всего лишь бродячий фокусник и шарлатан, пьяница как и его дружки, которые разбежались как только твои слуги пришли взять его. Что в нём царственного, что вы все так обосрались от страха? Он даже на шакала-разбойника не тянет, не то что геройского воина. И уж поверь мне я знаю, о чём говорю».

Каифа прокашлялся и засипел полушёпотом: «Господин, я понимаю, мы задели твою гордость и признаю свою вину, что не сообщили всё ранее. Всё серьёзнее, намного серьёзнее, чем сообщили тебе твои доносчики. Этот назарянин учил народ: что он не просто царь, но Сын Бога и сам Бог, что тот, кто примет учение его, станет таким же как он, сможет обходиться без денег и не работать, а всё необходимое для жизни получать чудесным образом прямо из воздуха. Мало того, последователи его, принявшие учение его во всей полноте, станут бессмертными. И даже если их убить они будут воскресать на третий день после смерти».

Пилата как кипятком обдало. А вот это уже серьёзно. Деньги и страх смерти два столпа, на которых строится любая государственность. Первооснова власти. Невозможно даже представить себе на что способны фанатики уверенные в своём бессмертии и бесполезности золота.

«Что ты предлагаешь?»

«Надо обеспечить показательную смерть, чтобы ни у кого не было сомнений, и надёжную охрану трупа в течении трёх дней, чтобы этот сброд не смог его выкрасть и объявить воскресшим. Господин, рассуди сам, если бы всё не было так серьёзно, неужели мы сами не уладили бы это дело? Достаточно двух золотых монет, чтобы найти желающего, который бы удавил ублюдка по тихому».

«Он что незаконнорождённый?» – удивлённо вскинул брови Пилат.

«Муж его матери взял её уже брюхатой и вместо того, чтобы по закону наших отцов вывести потаскуху на площадь для всенародного осуждения, оставил своей женой, да ещё и настрогал кучу подобных себе выроdkов».

«Полагаю, что твои слуги ненадёжны?» – спросил Пилат, почему-то посмотрев на тестя Каифы. Старик прикрыл глаза и кивнул в знак согласия. "Даже разговаривать со мной не желает козёл вонючий", подумал прокуратор. «Хорошо. Займусь всем сам» – бросил уже через плечо, поднимаясь по ступеням.

Глоток 2.

Войдя в свой кабинет, сел и глубоко вздохнув прохладным воздухом, не оборачиваясь посылному: «Валлия ко мне».

Валлий сотник личной гвардии прокуратора прибыл тут же, как будто чувствовал, что нужен своему господину.

"Мой верный пес", улыбаясь одними глазами, подумал Пилат. Сотник, несмотря на свой громадный рост, двигался грациозно и уверенно, как матёрый волк. Остановившись в шаге от прокуратора, опустился на правое колено, опершись обеими руками на тяжёлый боевой меч, висящий у левого бедра. Слегка склонив голову Валлий, молча, смотрел на Пилата, стальные холодные глаза, преданно устремлённые на него, были умны и внимательны, видимо его уже известили о серьёзности предстоящих событий.

«Возьмёшь двадцать легионеров из своей сотни и пешим ходом сопроводишь назареянина на гору. Ещё пятьдесят пусть следуют конными разъездами по десять, вокруг, по соседним улицам. Проследишь, чтобы всё прошло без волнений. Любые попытки спровоцировать беспорядки пресекай сразу. Зачинщиков убивай на месте. А я пока подумаю, как обеспечить охрану трупа и нашу безопасность».

Прокуратор замолчал. Сотник продолжал стоять и внимательно смотреть на своего господина, чувствуя, что сказано не всё.

"Наверное, только один он меня так понимает", мелькнула мысль у Пилата.

«Не подведи меня, кесарь и так уже предупреждал дважды. Ещё один серьёзный, длительный бунт и нас...» – наместник медленно провел согнутым большим пальцем левой руки по горлу. Валлий хмыкнул, так преторианцы перерезали горло провинившимся чиновникам прямо в кабинете кесаря.

«Жена ещё с утра истерику устроила из-за этого иудея» – скривился Пилат, «насочиняла...», сон какой-то вроде бы ей приснился, якобы не надо убивать его, я ещё сдуру пообещал...», наверняка на самом деле, кто-то из этих хитрожопых иудеев подкупил одну из служанок, а та ей в уши и надудела, зная её жалостливость к этому сброду».

Валлий пожал плечами: «Ну, кто знает...», всё может быть». Во взгляде сотника не было ни осуждения, ни насмешки к старому мужчине, балующему свою молодую жену.

Пилат улыбнулся, положив правую ладонь на шею сотника, провел большим пальцем по щеке: «Действуй. И будь крайне сосредоточен. У меня противоречивые сведения об этом человеке. Одни говорят: что он фокусник и шарлатан, другие, что могущественный маг и колдун. Но за всю свою жизнь, я не встречал ни одного жреца местных божков, который смог бы противостоять громовому молоту Юпитера и незатупляющему мечу Марса».

Валлий встал, держа левую руку на рукояти меча, кулаком правой слегка стукнул себя по груди: «Сделаю всё возможное и невозможное».

Глоток 3.

Валлий стремительно шел по коридорам дворца, направляясь во внутренний двор. От возбуждения перед предстоящим делом кровь играла в жилах здорового тела сотника, попадающиеся ему навстречу, люди казались Валлию медленно плывущими в тяжёлой воде. Эта его феноменальная способность, так воспринимать реальность в минуты опасности, много раз спасала жизнь сотника в битвах, когда на заваленных горами трупов полях, обезумевшие от крови воины рубили направо и налево, не разбирая, где свои, где чужие. Но, ожидавший Валлия во внутреннем дворе, его лучший десятник Корнилий, по скорости реакции намного превосходил сотника. Валлий даже иногда, одобряя отлично справившегося с порученным делом Корнилия, называл его Рыжая Молния. Такой "титул" он присвоил десятнику после похода в Александрию, куда Валлий с легионерами своей сотни сопровождал жирного богача грека,

выполняющего какое-то поручение Пилата. Наместник тогда был также чрезвычайно напряжён, сотнику было предписано доставить грека туда и обратно так, чтобы волос не упал с его головы. Валлий осознавая ответственность, взял с собой лучших из лучших. Поездка тогда прошла спокойно и довольно скучно, и, наверное, давно б уже забылась, если бы не произошедший поединок.

В Александрии жирный грек целые дни проводил в беседах с приходившим к нему странным пожилым человеком неизвестной сотнику народности. Его белоснежный головной убор из многократно накрученной на голову ткани, резко оттенявший иссиня-смуглую кожу, не мог скрыть от внимательного взгляда Валлия странно длинный череп. Сотник никогда ранее не встречал людей похожих на гостя. Сопровождали его два телохранителя свирепого вида, с ног до головы увешанные оружием, в основном кривыми кинжалами различной длины и ничем кроме одежды не похожими на своего господина.

Жирный грек и его странный гость целые дни проводили в беседах на тарабарском языке, сидя рядом друг другом, читая то вместе, то порознь какие-то свитки. Часто это занятие прерывалось на трапезу; грек обожал пожрать, гость ел мало и неохотно; беседа тогда шла на греческом, но это был обычный застольный трёп. Спор между греком и его гостем произошёл в предпоследний день пребывания в Александрии во время ужина. Сотник давно уже перестал слушать и воспринимать о чём говорили собеседники во время еды, поэтому предмет спора, во время которого грек хохотал тряся огромным животом и махая отрицательно головой и руками в ответ на спокойные уверения гостя, стал известен лишь утром.

«Вчера вечером» – рассказывал грек, «по причине того, что мы с моим визави удачно поладили и разрешили все вопросы к обоюдной выгоде, я за ужином немного перебрал вина, что и послужило причиной возникшего спора. Он как-то рассказывал мне, что его страна кишит змеями, от них нет спасения даже во дворцах. Поэтому в качестве домашних животных они держат зверьков способных с лёгкостью справляться с этой опасностью. Зверьки эти преданы своим хозяевам до самозабвения. У его дочери есть такой. Он, как я считаю, прихвастнул, что зверек его дочери может расправиться с десятком змей одновременно. Я возразил, что это может быть и возможно против одной, двух, ну трёх змей... , но против десятка... В общем, мы поспорили на энное количество золота» – подмигнув сотнику, грек вполголоса назвал сумму, «и сейчас нас ждёт увлекательное зрелище».

Глоток 4.

Грек поёрзал на подушках, которыми рабы застелили высокий помост наглухо закрытого со всех сторон двора и смачно пёрнул.

Внизу рабы быстро устанавливали на песке соломенные щиты, огораживая замкнутое пространство шагов десять на тридцать. Появились змееловы с корзинами, главный из них недолго поторговался с греком. С противоположной стороны огороженного пространства замаячил странный длинноголовый человек. Между телохранителями виднелась вся закутанная в ткани женщина. Из под многослойной одежды видны были только изящные смуглые кисти рук, увешанные позванивающими браслетами и темно-карие глаза горящие горделивой яростью. Певучим голосом сирены она о чём-то спорила с мужчиной. Грек поприветствовал гостя на тарабарском языке. Последовал недолгий диалог во время которого женщина смотрела на грека с невероятной ненавистью.

«Девушка не хочет рисковать своим зверьком, но он сейчас всё уладит» – пояснил грек Валлию.

«А если он пожалеет свою дочь и откупится от спора, выплатив сумму проигрыша?»

«Нет, этого не произойдет, для него, как впрочем, и для меня, это мизерные деньги. Здесь, мой дорогой, речь идет о *a materia principium*(лат.)»

Валлий скрипнул зубами от внезапного гнева, речь шла о годовом жаловании легиона. Стоящая напротив группка людей пришла в движение, свирепые телохранители подтащили сопротивляющуюся девушку и втолкнули в огороженное пространство. Во время борьбы с мужчинами, покрывало девушки, закрывавшее голову и лицо, упало на землю. Жирный грек с хрипом и сопением вскочил на ноги. Смуглое лицо девушки поражало своей нереальной неземной красотой, мягкие правильные черты лица, бархатистая холеная кожа, чувственные губы, длинные ресницы. Густые, черные, гладко зачесанные волосы были заплетены в две толстые косы.

Змееловы, предупрежденные заранее о планах действий, не обращая особого внимания на красавицу, начали выбрасывать змей из корзин на огороженное пространство. Нахлёстываемые длинными кнутами змееловов, кобры яростно зашипели. Откуда-то из складок одежды девушки появилась маленькая рыжая головка, черные глазки зверька светились невероятным для такого маленького животного умом. Девушка ласково залопотала и попыталась удержать выскользнувшего из ее рук зверька. Рыжий сделал несколько плавных прыжков к ползущим навстречу гадам. Почуввав грозного противника змеи остановились, приподнялись, и с шипением расправили свои капюшоны. Зверёк, повернувшись к противнику боком, изогнулся греческой омегой, затряс распушившимся до невероятных размеров хвостом и исчез... Спустя несколько секунд всё было закончено. Весь десяток гадов крутился на песке в смертельной агонии. Зверёк неспешно подскакал к девушке, одним прыжком вскочил на плечо, потерся головой о заплаканную щеку и юркнул куда-то за спину.

Грек разочарованно вздохнул: «Ну, это конечно магия. Но за такие деньги представление могло быть и поинтересней».

Валлий в силу своей феноменальной реакции был с ним не согласен, он увидел что происходило. Но скорость движений зверька шокировала даже его.

«Это было прекрасно! Рыжая молния!»

Валлий оглянулся, бледный как снег Корнилий весь дрожал от возбуждения. Сотник понял, что его лучший легионер, увидел битву во всех деталях.

Глоток 5.

Корнилий ждал сотника на крыльце внутреннего двора, пританцовывая от избытка сил, как застоявшийся жеребец.

«Сейчас дуй в казармы, возьми своих и десяток Ювентуса. Мы пойдем пешими налегке. Ещё пятерых, на свое усмотрение, в тяжелом вооружении отправишь на лошадях конными дозорами вокруг нашего конвоя. Предупреди их, чтобы не расслаблялись, передвигаться быстро, любых агрессоров убивать на месте. Здесь во дворце оставь троих самых башковитых, способных в случае необходимости принять командование над местным сбродом».

Десятника как ветром сдуло. Валлий удрученно вздохнул. Как сейчас не хватает здесь хоть и сильно потрепанной в боях, втрое меньше обычной численности, конницы родного Тринадцатого легиона, отосланной наместником на подавление восстания греческих поселений недовольных увеличением римских налогов. По последним известиям обе гвардейские центурии находились в двух днях пути конным ходом. Даже если прокуратор пошлет гонца немедленно, конники авангарда будут у города только к вечеру третьего дня. Поздно... На малообученный сброд, нанятый из местного населения, надежды никакой. Реально противостоять городскому бунту сможет только сотня Валлия, но им не продержаться три дня в непрерывном бою. Пройдя мимо, даже в новом обмундировании, неряшливо выглядевших, местных солдат, охранявших вход в дворцовые казематы, сотник оглянулся, внимательно осмотрел охранников и покраснев от злости харкнул на землю. "Деревенщина. Не бойцы, а недоразумение. Из них солдаты как из говна пуля." Под ноги сотника бросилась бродячая псина, вылизывавшая забрызганные кровью Спасителя камни, норовя проскочить мимо него на выход. Мощный

пинок сотника отбросил пса к месту экзекуции. От удара об столб позвоночник собаки переломился, истошно скуля псина поползла в тёмный угол двора. Из дверей тюремного помещения на шум выглянул подмастерье палача, увидев Валлия, ощерил в подобострастной улыбке гнилые редкие зубы.

«Распорядись, чтобы убрали падаль и вообще навели порядок, развели тут бардак». Орудия бичевания валялись на залитых кровью камнях, где их побросали перетрухавшие экзекуторы.

Глоток 6.

Резко отбросив, закрывавшую вход в тюремное помещение, дерюгу Валлий шагнул в душное вонючее помещение. Внутри сидели и негромко разговаривали: палач, вернувшийся недавно с горы, где он с подмастерьем с утра прибывал к распятиям двух осуждённых, плешивый кастрат казначей, закончивший оформлять в казну изъятую у провинившихся экзекуторов взятку и делавшего какие-то пометки в своих бесконечных подсчётах и переводчик, сидевший на низкой скамеечке и отмывавший кисти в грубой глиняной чашке. Эту троицу связывала какая-то странная дружба; особо ценимые Пилатом за свое мастерство, привилегированные; они частенько сидели вечерами на угловой террасе внутреннего двора, прихлёбывая вино и ведя неторопливые беседы. Иногда к ним присоединялся прокуратор, и тогда беседа затягивалась глубоко за полночь.

«Свой процент тоже сдал в казну?» – пошутил сотник, обращаясь к палачу.

«Оплаченную отдельно работу, я всегда делаю сам» – равнодушно ответил тот, «и если за смерть заплачено, нечего зря мучить человека. Мне хватило бы и половины тех ударов, которые сделали эти косорукие недоноски, чтобы отправить этого бедолагу к Плутону». Палач кивнул в тёмный угол, где брошенный туда солдатами Спаситель, полусидел-полулежал, часто и неровно дыша.

«А за те гроши, которые были заплачены этими иудейскими скупердьями, я и пальцем не пошевелю. Мне казённых обязанностей хватает. Только что пришел с горы и теперь опять туда с тобой тащиться».

На улице слышалось звяканье и плеск воды. Взвыла добываемая собака. Подмастерье наводил порядок. Потом отогнув дерюгу он вякнул вызывая переводчика на улицу.

«Он до горы то дотянет?» – спросил Валлий палача.

«Кто его знает... Так-то вообще не жилец».

С улицы слышался взбешённый визг старой бабы. Валлий отодвинул дерюгу и выглянул во двор. Перед спокойно стоящим переводчиком, брызгая слюной, орал и корчился от ярости верховный жрец. Крутясь на месте, он то и дело тыкал указательным пальцем в сторону таблички с чернеющими на ней буквами.

«Пошел на хер, как написал, так и написал» – ровным голосом отчеканил переводчик по-гречески. Развернулся и согнувшись прошмыгнул под рукой сотника в помещение. Жрец от никогда не слыханного им ранее оскорбления заткнулся и дёрнулся всем телом так, будто и в самом деле дюжий мужеложник с размаху вставил свою "дубину" в его задний проход. Несколько раз судорожно вздохнув, жрец засеменил к выходу со двора.

Валлий посмотрел на прислонённую к освещённой солнцем стене, состоящую из трёх скреплённых между собой пазами досок, табличку. Буквы, нанесённые кистью на влажные, очищенные и отмытые от предыдущего приговора, доски немного растеклись, но были читаемы. "Иисус Назарянин Царь Иудейский", прочитал сотник верхнюю латинскую надпись.

Шагнув назад в помещение, спросил переводчика: «На других наречиях тоже самое написано?»

«Конечно»

«Смотри, нажалуется он на тебя Ироду, достанется тебе "на орехи"».

Палач и казначей, внимательно слушавшие их диалог, захохотали. Переводчик закончил мыть кисти, положил их сушиться на мешковину и лукаво улыбаясь, посмотрел на Валлия: «Ты хорошо сказал, центурион. Я оценил твою шутку. Высшая похвала».

Палач с казначеем заржали еще громче, сотник и сам стал похохатывать, даже сдержанный переводчик немного посмеивался. Ни для кого из них не было секретом, что стоит переводчику, который был руководителем тайной канцелярии прокуратора, только лишь моргнуть глазом, как этого шута, называющегося царём Иудеи, удавят его собственные слуги.

Глоток 7.

Пилат сидел, упершись лбом в сжатые кулаки, поставленных локтями на письменный стол, рук.

На самом деле положение было намного хуже, чем знал об этом Валлий. Даже, если собрать все пешие сотни, расквартированные по провинции и оперативно перебросить их к городу, в случае бунта подавление восстания затянется в многодневную мучительную бойню. Тринадцатый легион давно уже не оправдывал своего блистательного титула. Пешие сотни больше чем наполовину состояли из нанятого местного населения, способного только к исполнению хозяйственных нужд. В некоторых десятках ветеранами были только деканы. По своему же многолетнему опыту Понтий знал, что для усмирения взятого приступом или бунтующего города, нет ничего лучше, чем разделенная на десятки римская конница. Перемещаясь быстрыми бросками по залитым кровью улицам, конные разъезды разрывают на куски поверженный город, как стая волков, изголодавшаяся после долгой зимы, яростно рвёт загнанное ими животное. Сея кровь и ужас среди населения захваченного города, римские всадники ломают сопротивление в считанные часы. Но по вчерашнему донесению гонца конница наместника находилась не менее чем в пяти днях ходу. Успешно подавив греческое восстание, обе центурии разделившись, шли карательным рейдом по приграничным провинции районам, население которых осмелилось поддержать греческих поселенцев, оставляя кровавые раны на месте варварских городков.

От дверей, ведущих в покои наместника, послышалось жалобное блеяние ягнёнка: «Господин..., госпожа...» Пилат обернулся. Полусогнувшись в поклоне, дрожа всем телом от страха, там стояла горбатенькая рабыня его жены. "А вот и возможная причина утренней истерики", подумал Пилат. Почувствовав тяжёлый взгляд многолетнего убийцы, для которого жизнь раба стоила только тех сестерциев, которые были за него заплачены, служанка описалась. Не раз и не два, за свою недолгую жизнь, девочка видела, как взбешённые хозяева убивали провинившегося раба, походя, словно назойливую муху. Онемевшие от страха ноги рабыни подкосились, чтобы не упасть она ухватилась обеими руками, за находящуюся слева от неё, портьеру закрывающую проход в покои прокуратора. От этого движения Пилат будто очнулся, резко встав, он быстро прошагал мимо мокрой от холодного пота служанки. Девочка облегчённо вздохнула, "как хорошо, что у меня сегодня первый день "женских дел", иначе на полу была бы лужа и он меня точно прибил." Горбатую некрасивую рабыню, красавица Клавдия держала при себе по причине её доброты и скромности. Сама отличающаяся крайне нехарактерным для патрициев добротой и сердечностью, Клавдия с большим трудом управлялась со служанками, которые быстро распознав жалостливость хозяйки начинали дерзить и лениться.

Глоток 8.

Перерывчик первый.

Так чтоб отдохнуть малясь, чайку попить.

На случай если что... Заявление на отпуск. Подписанное.

Доченька, я вот вчера забегал в Хранилище-Мастерскую, отнести то, что не из этой картинки и поговорить с Прорабом, ну и вот такой у нас состоялся разговор:

–Слава, я тут часть мозаики от "Египет. Исход." Принес – её вижу куда убрать. А вот это: нагорная проповедь, тайная вечеря, самаритянка куда?

–Вон в те коробки..., видишь где "Рим. Распятие." и "Церковь. Вознесение." написано, потом дособираешь.

–Ты офигел?! Мне ещё эту собирать и собирать.

–Ну и собирай потихоньку, кто тебя гонит?... Всё равно задаром ковыряешься.

–Ну это здесь задаром. А Дома как? Мне вообще Главный по шее не накостыляет?

–Ты чё?, бредишь что ли?, за чё?

–Да ну лукавый заходил, говорил, если не точь в точь как в синодальном, то значит ересь.

–Да идет он, откуда пришел... И с какого перепугу ты решил, что у тебя синодальному не соответствует? Ну да, есть у тебя здесь кое-какая отсебятина, но чтобы она синодальному противоречила этого не вижу. Ты тоже нашел, кого слушать, так что отдыхай, потом эту доделаешь и за те коробки возьмешься, куда мозаику высыпал.

–Слава, да почему я то?!

–А кто?! Это же трилогия. Ты начал тебе и заканчивать.

–Мне бы отдохнуть..., устал, сил нет.

–Я ж тебе сказал, отдыхай, никто тебя не гонит. Ты и так уж за неделю наковырял больше чем иные за год. И может на досуге посмотришь вот это? Смотри: "Руфь. Возрождение." маленькая такая, смотри какая красивенькая.

–Ага шас!, нет уж!, ты мне про предыдущую тоже самое говорил. Только крестный путь и резиденция прокуратора. Как она с виду такая маленькая до таких размеров развернулась?!

–Да ну ладно, чё ты ноешь? Всяко бывает... Хочешь вот смотри какие красивые: "Давид. Помазание." и "Соломон. Слава.", особенно вторая, вся в таких золотых, лазурных, небесно-голубых и алых тонах. Прямо загляденье. И в названии моё имя есть. Может откроешь, глянешь?

–Ну вот уж херушки, чё я не вижу что ли? Их любую ковырни только, сразу столько высыпется, за год не соберёшь.

–Ну я уже и не знаю чего тебе предложить... Так... Ну вот эти: "Ватикан. Инквизиция.", "Магомет. Последствия." и "Третий Рим. Кровавая Баня.", даже не предлагаю. Живые ещё. Вон так и хлещут змеиными ядом и кровью. Саша Мень чуть только третью ковырнул, его оттуда сразу топором... Хотя гляди, какие там Бриллианты сверкают: мавританская Кордова, Омар Хайям, Киево-Печерская, соловецкие монастыри, итальянское Возрождение... Красотища!

–Ага, да да. Ну ну. И кровища! Вон как Африканская Буря в "Магомет. Последствия." кроваво-черным клубится, как нефть горящая. Это чего там? какой век? тринадцатый что ли? Плохо видно издалека.

–Неа, вторая половина двадцать первого.

–Да ладно?... Они ж на конях и с копьями.

–Угу, шас, глаза разуй, на генно-модифицированных верблюдах и с лазерными ружьями.

–Афигеть!... Ладно... Мне моя доча посоветовала чего-нибудь светское попробовать... Так ... Чего тут..."Колумб. Конкистадоры.", "Британия. Могущество.", "Америка. Черное золото.", да не, сразу видно огромные, да и не моё это. Может это?

–Ты ручонки то так далеко не протягивай! Чего ты там схватил? "Седьмая Галактика. Сверхновая."? Чего ты так радостно башкой мотаешь? Ты для кого это собирать собрался? Ты какой там век обозначен посмотрел? И что, что ты соберёшь всё правильно и чисто для себя? Ваня вон собрал "Апокалипсис. Зарево." всё правильно и чисто для себя. Две тыщи лет народ глазами лупает, тарашится, никто ничего понять не может. И ты не понимаешь? Ну, само собой... Не дорос ты ещё... Короче. Поставь на место. Мало ли что нравится. Вон Жуль, здорово кстати, никогда так далеко не хватался. На вот. "Мартин. Протест." Боле-мене без-

опасная, засохшая почти. Гербарий короче. Так только кое-где живые веточки остались. А так, почти все новые ветки из папье-маше. И цветы бумажные. А вы все чего сюда понавыверлись? Делать нечего? Я вам всем щас дело найду.

—Мишанька, – это уже я говорю, – не хватай меня за рукав, не буду я твою "Мастер. Лукавство." переделывать, сам как налепил так и налепил. Вообще никак в голове не умещается, как ты умудрился на первый план блядищу выпустить и кровавую оргию в светский раут превратить. А уж как ты Славу попытался обгадить, я вообще молчу. И как у тебя духу то хватило на такое? Тебе ж Главный только из-за "Белая гвардия. Русь Уходящая." за это по шее не накостылял. Я знаю, что у тебя это не получилось. И ни у кого не получится. Что значит торопился и время такое было? А у нас на Руси когда жилось хорошо?! Да ну ладно, ладно. Попробую чего-нибудь поправить. Если время будет. Николай Васильевич, вы мне свою вторую часть "Мертвецы. Мракобесие." даже не показывайте, эта чернота меня сожрет мигом. Александр Сергеевич, при всём моём к вам уважении... Что милостивый сударь?, кто милостивый сударь?, я милостивый сударь?! Ну допустим. И что? Что вы мне тут тычете? "Пётр. Великолепие."? Вижу. И что дальше? Ага щас! Это ваша коробка. И чё, что не успели? А кто вас стреляться просил?! Вы же, сударь, православный христианин. Про Закон, часть шесть, забыли?! Да, да, понимаю, честь дворянская, обида, гордость взыграла. А за кем вы тогда этим последовали? Кто первый возгордился и войной пошел на Создателя?! Не могли, с семьёй, обидевшись в Болдино уехать? Посмотрите сами, какая у вас там картинка "Емельян. Бунт." получилась. Красота неопишная! Глаз не оторвать. Россия заснеженная драгоценной россыпью серебрится, купола золотые, а люди!, люди все живые какие! Ну да, кровью вдоль дорог набрызгано... Ну у нас по ходу без этого вообще никак... Короче всем пока, некогда мне.

Потом коробку схватил и дёрнул.

Так что, "Последний День. Преломление." я пока отложу. Отдохну пару недель и понемногу займусь "Мартин. Протест.", уж больно весёлая, озорная картинка. Кстати, сам мэтр мсье Франсуа Рабле обещал помочь всенепременно. Антуан передаёт тебе привет, кланяется, целует ручки и всё такое, говорит уж больно мила, радостна ему твоя любовь к его картинке "Маленький Принц. Вселенная."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.